

Дмитрий Овсянников

Дукай-Кади из Ауха: портрет противника газавата в Чечне второй четверти XIX века

Овсянников Дмитрий Владиславович, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.

d.ovsiannikov@spbu.ru

Аннотация: В представленной статье делается попытка проследить на основе обрывочных и фрагментарных данных биографический путь одного из мусульманских судей (кади) в чеченском обществе Ауха – Дукая. Особое внимание уделяется региональному аспекту, а именно восточным районам расселения чеченцев – Ауху, примыкающему к дагестанским обществам и владениям. Важным сюжетом является проблема мусульманской религии среди чеченцев, которая выступила, с одной стороны, как идеологический фактор в формировании вооруженного противостояния горцев Северного Кавказа России; с другой же стороны, ряд мусульманских ученых Кавказа выступали против газавата, а кадий Дукай являл собой пример последовательной лояльной позиции в отношении с Россией. Делается вывод об относительно широкой поддержке кадия Дукая его соплеменниками в связи с особенностями социальной структуры чеченского социума.

Ключевые слова: Чечня, Аух, Российская империя, ислам, кадий, газават, шариат, имамат.

**Dukai-Qadi from aukh:
portrait of the opponent of gazavat in Chechnya
in the second quarter of the 19th century**

Dmitry V. Ovsyannikov, PhD (History), Associate Professor, Saint Petersburg State University.

d.ovsiannikov@spbu.ru

Abstract: The article attempts to trace the biographical path of one of the Muslim judges (qadi) in the Chechen society of Aukh – Dukai on the basis of fragmentary sources. Particular attention is paid to the regional aspect, namely the eastern areas of Chechen settlement – Aukh, which adjoined the Dagestani societies and domains. An important subject is the problem of the Muslim religion among the Chechens, which acted on the one hand as an ideological factor in the formation of the armed confrontation of the highlanders of the North Caucasus against Russia, on the other hand, a number of Muslim scholars of the Caucasus opposed the gazavat, and qadi Dukai was an example of a consistent loyal position in relations with Russia. A conclusion is made about the relatively broad support of qadi Dukai by his fellow tribesmen due to the peculiarities of the social structure of Chechen population.

Keywords: Chechnya, Aukh, Russian Empire, Islam, qadi, gazavat, sharia, imamate.

Присоединение Кавказа к Российской империи представляется яркой и сложной эпохой в отечественной истории. Сам процесс вхождения/присоединения/покорения (в зависимости от интерпретации) нашел отражение в историографическом феномене под названием «Кавказская война»¹. Концептуализация этого явления не раз становилась предметом внимания в работах отечественных исследователей². В связи с общественно-политической ситуацией в Чечне 1990–2000 гг. внимание историков вновь стали привлекать события прошлого, а именно – роль чеченцев в присоединении Кавказа к России. Большинство авторов сходились на том, что закономерность антироссийских настроений на Кавказе и прежде всего у чеченцев была обусловлена их особой «непокорностью», «свободолюбием», исторической памятью, живо откликающейся на несправедливость «имперских институтов» уже современной России.

Особую роль в событиях первой половины XIX в. на Северном Кавказе играли мусульманские учены³. Противостояние горцев православной России облекалось частью проповедников в форму газавата – войны за ислам как против внутренних врагов (мусульман-отступников), так и против «неверных» русских. С другой стороны, было заметным движение противников войны

- 1 Впервые этот термин был введен российским генералом Р.А. Фадеевым. См. подробнее: *Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.*
- 2 Подробнее см.: *Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.* С. 5–14.
- 3 Подробнее о роли мусульманских ученых в Чечне в рассматриваемый период см.: *Ахмадов Я.З. О роли мусульманского духовенства в общественной жизни Чечни. (По материалам XVIII – первой половины XIX в.) // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.) / отв. ред. А.И. Хасбулатов. Грозный, 1982. С. 56–61; Овсянников Д.В. К вопросу о месте и роли мусульманского духовенства Чечни и Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2009. № 4. С. 80–91.*

с Российской империей. Они выступали против власти имамов Гази-Мухаммада, Гамзат-бека и Шамиля. Наиболее известными представителями «антиоенного» лагеря были мусульманские учёные – Сайд Араканский, Мама-Гиши из Эндирея, Аюб из Верхнего Дженгутая, Юсуф из Аксая и некоторые другие⁴.

Противники газавата в Дагестане обращали внимание на жестокость имамов, несоблюдение Шамилем принципов коллективного руководства (*шура*), произвол наибов. Кроме того, они указывали, что Коран позволяет жить под властью немусульманского правителя, если тот не совершаet гонений на ислам⁵. В 1830–1850 гг. в Дагестане подобное противостояние сторонников и противников газавата нашло отражение в так называемом «шариатском дискурсе», зафиксированном в трудах вышеупомянутых мусульманских богословов.

Касательно же Чечни еще с подачи дагестанских авторов XIX в. стало преобладать мнение, что «...ученых в Чечне мало, они редки, так как мало кто занимается наукой», как отмечал Абдурахман Газикумухский⁶. Среди чеченских богословов он выделял «Атабая, высланного ныне в Россию (*речь идет о конце 1860 гг. – Д. О.*); Абдулкадира; кадия Мустафу, он же муфтий области вилайат Ичери; Омара из Цамтари; старшину (раис) из Ведено; кадия Алимирзу из Сунжи и других...»⁷. Стоит признать, что мы

4 Мусаев М.А. Биографии дагестанских учёных-богословов, противников имама Шамиля, в изложении Али ал-Гумуки (Каяева) // Фундаментальные исследования. 2014. № 6. С. 638; Кемпер М. Шариатский дискурс имамата первой половины XIX в. // Дагестан и мусульманский Восток: Сборник статей / отв. ред. и сост. А. К. Аликберов, В. О. Бобровников. М.: Марджани, 2010. С. 112–113.

5 Kemper M. The Daghestani legal discourse on the Imamate // Central Asian Survey. 2002. № 21 (3). P. 266–269.

6 Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайнин о делах жителей Дагестана и Чечни [1869] / перевод с араб. М.-С. Д. Саидова; ред., коммент., указ. А. Р. Шихсаидова, Х. А. Омарова. Махачкала, 1997. С. 83.

7 Там же.

не располагаем таким обилием нарративных источников чеченского происхождения, которое имело место в Дагестане. В историографии противникам газавата из среды чеченцев также не нашлось какого бы то ни было места. Нельзя доподлинно судить о существовании или отсутствии шариатской полемики, однако анализ событийной канвы позволяет говорить о том, что часть мусульманских служителей из чеченцев не приняла газават и была против войны с Российской империей. В чеченских обществах раскол по вопросу принятия шариата и ведения газавата против русских нашел отражение в истории Ауха.

Ауховское общество располагалось в равнинно-предгорной зоне, благодаря чему его история получила заметное отражение в источниках. Имеется немало сведений об Аухе и его жителях, в отличие от высокогорных чеченских обществ, таких как Шарой, Чеберлой и другие. Источники демонстрируют нам особый накал социальной борьбы в этом регионе, по сути, раскол в горском социуме, проявившийся в том, что часть ауховцев последовательно ориентировалась на Россию и считалась «мирной»⁸, в то время как другая часть ауховцев поддержала газават и присоединилась к восстанию 1840 г.

Ауховское общество, судя по информации из разнохарактерных источников, было сформировано из представителей различных чеченских тайпов, переселившихся на равнинные территории в постордынский период⁹. Вместе с тем ряд исследователей зачастую указывали на преимущественное, доминирующее влияние переселенцев из общества Акки, располагавшегося на западе,

8 *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа / перевод с франц., предисл., comment. И. М. Назаровой. М., 2010. С. 334.

9 Подробнее о территории и населении Ауховского общества см.: *Адилсултанов А.А.* Акки и аккинцы в XVI–XVIII веках. Грозный, 1992. С. 11–18.

в верховьях реки Гехи¹⁰. А. П. Берже фиксировал на конец 1850 гг., что «наречия Ауховских обществ» принадлежали к чеченскому языку, на котором говорили жители Большой и Малой Чечни, Ичкерии и Качкалыка. Однако «между этими наречиями и языком чеченским существует такое же различие, как между языками русским и малороссийским»¹¹. Советский этнограф Н. Г. Волкова отмечала, что «восточные равнинные акинцы представляют смешанную в племенном отношении группу, образовавшуюся из орстхойцев, горных чеченцев (преимущественно ичкеринцев) и менее акинцев»¹².

Ауховское общество занимало важное стратегическое положение: западнее него находилась Ичкерия и другие чеченские земли, на востоке ауховцы соседствовали с Анди, Гумбетом, Салатавией и засулакскими кумыками. Н. А. Волконский писал: «К Ичкерии прилегало всею западною частью ауховское общество, которое имело с востока Салатавию и вместе с нею примыкало на севере к южной части кумыкских владений, а на юге граничило с Гумбетом»¹³.

-
- 10 Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18507. Л. 49–53; *Лаудаев У.* Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 4, 11; История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М. О. Косвена, Х.-М. О. Хашаева. М., 1958. С. 243, 308. С российскими военными XIX в. были солидарны и советские ученые-языковеды, указывавшие, что аккинский диалект начал складываться еще до переселения на равнину. См.: *Арсаханов И.* Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959. С. 5, 153; *Дешериев Ю.Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. Грозный, 1963. С. 74–76.
- 11 *Берже А.П.* Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 86.
- 12 *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 168.
- 13 *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. X / под ред. [А. И.] Чернявского. Тифлис, 1886. С. 37.

Через земли Ауха проходили удобные пути из Чечни в андийские и аварские земли¹⁴. Эти дороги использовали и русские войска, и партии мюридов, вовлекая в противоборство местных горцев. С особой интенсивностью боевые действия развернулись здесь во второй половине 1830-х – первой половине 1840 гг. Генерал Г. В. Розен в своем обширном рапорте, составленном в 1835 г., отмечал, что ауховцы и салатовцы, «увлеченные успехами Гамзатбека», начали нападать на русские укрепления и стали серьезной проблемой для сообщения между крепостями Внезапная и Тимир-Хан-Шура¹⁵. В это же время разворачивал свою деятельность имам Чечни Ташу-Хаджи и его помощник Уди-мулла. Однако куда меньше информации мы имеем относительно его оппонентов и противников газавата, хотя это движение также было довольно представительным и находило поддержку не только в лице русской военной администрации, что вполне объяснимо, но и среди горцев.

В художественной литературе образ приверженца России и русского влияния на Кавказе был выведен в романе чеченского писателя А. А. Айдамирова «Долгие ночи». Перед читателем предстает талантливо и рельефно изображенный персонаж – Иса, сын Мици из Гати-юрта, законченный подлец и мерзавец¹⁶. Однако сводить противников газавата к этому литературному антигерою было бы неверным.

В связи с оппозицией газавату заслуживает внимания личность кадия Ауха по имени Дукай, который благодаря своей последовательной борьбе с мюридами снискал уважение и при-

- 14 Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. I: 1801–1839 / подготовка к печати Г. Е. Грюмберга, С. К. Бушуева. Махачкала, 1940. С. 245, 246.
- 15 Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.
- 16 Айдамиров А.А. Долгие ночи // Айдамиров А.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Грозный, 2004. С. 70–74 и далее.

знание не только от русского командования на Кавказе, но даже от А. П. Ермолова и императора Николая I.

Первые сведения о кадии Дукае относятся к 1836 г. В конце августа этого года русские войска под общим командование полковника А. П. Пулло выдвинулись к селению Зандак, находящемуся у подошвы Андийского хребта. Зандакцы поддержали Ташу-Хаджи, и целью экспедиции было приведение их к покорности. В это время Ташу-Хаджи и его соратник Магомет Эфенди были отвлечены от Зандака передвижением союзных русскому командованию надтеречных чеченцев и карабулаков во главе с приставом сотником Гайтовым. Скрытному движению русских сил через Ауховское ущелье вверх по течению реки Ярыксу, в обход крупных селений (Ярыксу-Аух, Кишень-Аух и Хасан-Кент) способствовали сами горцы, противящиеся Ташу-Хаджи и его мюридам: «Проводником с усердием к успеху в предприятиях служил пре-данный нашему правительству ауховский мулла Дукай»¹⁷.

Внезапное нападение застало зандакцев врасплох. Однако на помощь стали стягиваться партии горцев из соседних селений. Карательная акция под руководством А. П. Пулло носила ограниченный и адресный характер: «Будучи же уверен, что жители Зандака по общим правилам чеченцев после наказания станут просить покорности, и считая таковую полезным для правительства, я не приказал жечь деревни, и исключая только домов одних мюридов, кои по дружбе и родству с возмутителем Ташов-Гаджи, были мною замечены; а посему, придав огню дома сих последних, приказал с добычею, полученою в Зандаке, отступить»¹⁸. О том, каким образом полковнику удалось «заметить» дома сторонников имама, стоит лишь догадываться. Судя по всему, информацию

17 Дроздов И. Начало деятельности Шамиля (1834–1836 гг.) // Кавказский сборник. Т. ХХ / под ред. [В. А.] Потто. Тифлис, 1899. С. 282.

18 Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в.: Сборник документов / сост. В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. Махачкала, 1959. С. 144–145.

сообщили сами горцы, что свидетельствует об определенном расколе среди односельчан. Либо кадий Дукай, знавший симпатии зандакцев, сообщил А. П. Пулло о сторонниках газавата.

В рапорте также значится, что главный населенный пункт Ауховского общества – селение Кашень-Аух – был «мирным», то есть не поддерживал мюридов¹⁹. Более того, ретирируемому русскому отряду, который настигали горцы под командованием Ташу-Хаджи, удалось отойти в безопасное расположение у селения Ярыксу-Аух, «чему много способствовали жители как сей деревни (*Кашень-Аух. – Д. О.*), так равно и деревни Хасай-Кент», которые по приказанию А. П. Пулло удерживали преследовавших на границе своих земель²⁰.

В этот период А. П. Пулло довольно грамотно использовал преимущество русской регулярной армии в горных условиях и организовывал походы «преимущественно осенью и зимой, когда леса с опадшими листьями представляют менее препятствий для войск»²¹. Так, в конце февраля 1837 г. русские совершили поход для принятия в подданство андийских и ичкерийских селений. Другая часть ичкерийцев во главе с Уди-муллой нависала угрозой над русскими силами и тревожила их ружейным огнем. Ауховский кадий Дукай также был посредником в переговорах между русскими офицерами и андийскими и ичкерийскими старшинами, которые подписали присяжные листы и выдали аманатов в знак покорности²².

Подводя итоги деятельности русских войск на Левом фланге Кавказской линии, полковник А. П. Пулло, будучи человеком своекорыстным²³ и нередко старающимся выделить свои заслуги,

19 Там же. С. 145.

20 Там же.

21 Там же. С. 283.

22 Подробности этого похода изложены в рапорте генерала К. К. Фезе генерал-лейтенанту А. А. Вельяминову. См.: Там же. С. 162–165.

23 «Хитрый грек, корыстолюбивый и бессовестный», – писал о нем современник. См.: Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии.

указывая начальству на просчеты и ошибки других офицеров, все-таки отмечал кадия Ауха и его помощь: «Между многими другими могу я упомянуть о кадии Ауховского общества Дукае – известном и смелом предводителе всех хищнических шаек, который служил постоянно в наших отрядах и имел случай оказать нам важные услуги, и о престарелом кадии Мустафе, человеке с большим умом, который много содействовал моим предположениям, объясняя чеченцам благодетельную цель правительства, необходимость и пользу покорности. Многие почтеннейшие жители служили мне постоянно лазутчиками, так что я всегда имел верные и скорые сведения о всем происходившем в горах и мог делать своевременно нужные распоряжения»²⁴.

Победа русского оружия при Ахульго в 1839 г., уход с политической сцены Ташу-Хаджи, а также последовавшие за этим прогнозы скорейшего усмирения горцев не убавили напряжения в Аухе. Сторонники газавата в Ауховском обществе к лету 1841 г., несмотря на близость русской крепости Внезапная, предпринимали вылазки в окрестности Эндирия и тревожили подвластных империи кумыков. И это несмотря на то, что генерал-адъютант П. Х. Граббе два раза «прошел Аух насквозь». Жители Акташ-Ауха использовали особенности местного лесистого рельефа и продолжали производить грабежи небольшими воровскими партиями. Для того чтобы кумыки оставались верными Российской империи, на Левом фланге Кавказской линии была предпринята новая военная экспедиция. Ее возглавил лично командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Е. А. Головин²⁵.

Русские войска подошли к главному ауховскому селению Кишень-Ауху 7 июня 1841 г. Используя темноту, отряд преодолел

тии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / отв. сост. И. А. Зюзина. М., 2010. С. 70.

24 Движение горцев... С. 283.

25 Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. (Продолжение) // Кавказский сборник. Т. XI / под ред. [А. И.] Чернявского. Тифлис, 1887. С. 248.

лесной массив и вышел на открытое пространство («открытые поляны и возвышенности») – оперативный простор, позволивший использовать эффективно пехоту, конницу и артиллерию. Отогнав огнем подошедшие навстречу отряды мюридов, русские войска приготовились к окружению Кишень-Ауха, однако «вскоре к нему (*Е. А. Головину. – Д. О.*) прибыли несколько почетных жителей, прося о пощаде и обещая покориться. Войска тотчас были остановлены для привала, а кишень-ауховцам дано два часа на размышление и присылку старшин. Для лучшего вразумления жителей, к ним послан был жандармский полковник Викторов с преданным нам муллою Дукаем, до возмущения бывшим кадием селения»²⁶.

Время шло, а результат переговоров послов с сельчанами был неясен, «...оказалось, что население аула разделилось на две партии: одна склонялась на нашу сторону, а другая, хотя и малочисленная, не соглашалась покориться и даже стреляла по полковнику Викторову»²⁷. Е. А. Головин не стал затягивать и вошел в селение. Горцы покинули его, предвидя бойню, причем как со стороны русского отряда, так и со стороны более чем двухтысячной партии мюридов из соседних обществ (Анди, Гумбет и др.) во главе с имамом Шамилем. Чтобы не дать мюридам и их сторонникам из ауховцев укрепиться, русские солдаты вырубили и предали огню сады и дома Кишень-Ауха. В итоге «из груды обгорелых развалин возвышались только две мечети», а также «две сакли с полусадиками преданных нам людей, пощаженные по просьбе Дукай-кадия»²⁸.

Эти действия способствовали тому, что жители соседних ауховских селений поспешили изъявить покорность: «14-го числа к корпусному командиру явились 27 акташ-ауховских старшин

26 Там же. С. 250–251.

27 Там же. С. 250.

28 Там же.

и от лица всей деревни изъявили полную покорность и желание вернуться с семьями и имуществом по домам». Однако «просили защитить их от Уллубей-муллы, грозившего угнать их стада и разрушить селение за обращение к русским»²⁹. Русский отряд, усиленный подошедшим подкреплением, разбил лагерь у Акташ-Ауха. Это стало для жителей, измученных войной, сигналом к возвращению мирной жизни. «Мало того, преданный нам мулла Дукай снова охотно был принят кадием и старшины просили устроить близь аула крепость, с небольшим хотя гарнизоном»³⁰. Около 100 семей кишень-ауховцев просили переселиться в Акташ-Аух под защиту русских войск.

Шамиль со своими чеченскими наибами (Шуаиб-муллой, Джеват-ханом, Уллубей-муллой и другими) в это время расположился в Зандаке, выжидая момент для действий. Не имея возможности нанести ущерб русским войскам, мюриды решили наказать ауховцев, которые не успели подойти к Акташ-Ауху и скрывались со скотом в лесу. 18 июня мюриды отбили у ауховцев весь скот. Узнав об этом, им во след силы во главе «с храбрым Дукай-кадием, бросились к месту происшествия и завязали перестрелку. Пока подоспел полковник князь Андронников, высланный на подмогу с 2-мя баталионами мингрельцев и грузинской милицией, при 2-х горных орудиях, Дукай-кадий успел уже отбить стада, но жаркая перестрелка ни на минуту не умолкала. Егеря тотчас опрокинули неприятеля и заставили его скрыться в лесу»³¹.

К 21 июня 180 семей из Акташ-Ауха и Юрт-Ауха выдали командующему аманатов («в залог покорности они доставили аманатами почетнейших лиц») и обещали «повиноваться мулле Дукаю и помощнику его – бывшему мюриду Перкею. Оставляя

29 Там же. С. 253–254.

30 Там же. С. 254.

31 Там же. С. 255.

Акташ-Аух, генерал-от-инfanterии Головин торжественно вручил Дукаю особый значок»³².

Спустя два месяца, в конце лета 1841 г., придерживающиеся пророссийской позиции ауховцы, опасаясь карательных акций со стороны Шамиля и Уллубей-муллы, просили переселить их на Кумыкскую плоскость. Их просьба нашла отклик у Е. А. Головина, и по его поручению генерал К. К. Фези стал курировать процесс постройки нового укрепления Евгеньевского, а также способствовать переселению жителей селений Юрт-Аух и Акташ-Аух. Сам К. К. Фези расположился в крепости Внезапная. Ввиду угрозы горцам, желавшим переселиться под защиту русского укрепления, со стороны мюридов во главе с новым ауховским наибом Уллубей-муллой генерал К. К. Фези отрядил в помощь для уборки урожая всех свободных нижних чинов отряда. Также были организованы арбы для перевозки имущества «213 ауховских семейств составляющих 817 душ обоего пола» в Эндирай. Шамиль в это время находился в Дарго и послал отряд Уллубей-муллы для нападения на ауховцев. 15 сентября отряд мюридов был обращен в бегство самими ауховцами, занимавшимися полевыми работами во главе с прaporщиком Дукай-кадием. Через неделю, 22 сентября, укрывшиеся в Кишень-Аухе мюриды сделали вылазку и подожгли опустевшие селения Акташ-Аух и Юрт-Аух. Это переселение оценивалось русским командованием как «важное и беспримерное в Чечне дело». Помимо обозначенных ранее 213 семейств присоединились к переселенцам еще 20 семейств, включая жителей Кишень-Ауха³³.

Сменивший Е. А. Головина в должности командующего Отдельным Кавказским корпусом генерал А. И. Нейдгардт отдал наступательную инициативу Шамилю, что плачевно сказалось

32 Там же. С. 258–259.

33 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX / под ред. А. П. Берже. Тифлис, 1884. С. 434–435.

на русском влиянии среди горцев. Многие чеченские общества поддержали имама, опасаясь сожжения своих селений мюридами. Однако и в этой непростой ситуации Дукай-кади не переметнулся. Полковник Н. И. Вольф в рапорте военному министру А. И. Чернышеву о политическом положении в Чечне и Дагестане от 14 апреля 1844 г. сообщал: «На линии находятся несколько лиц, еще не утративших влияние свое на своих соплеменников; между прочими, Дукай, кадий ауховский, бывший андийский кадий Мусса, старшина аула Цонтери, который убил Шуаип-муллу, и многие другие»³⁴.

В 1845 г. Дукай сопровождал кавказского наместника князя М. С. Воронцова в трагическом для русской армии Даргинском походе и показал себя с выгодной стороны, о чем вскользь писал сам наместник. Спустя год, в мае 1846 г., Дукай был удостоен большой чести: М. С. Воронцов лично доверил кадию, как «одному из отличнейших здесь людей», передать корреспонденцию своему старшему товарищу и предшественнику А. П. Ермолову. В своем письме Михаил Семенович с большой симпатией отзывался о Дукае, отмечал его «отличную храбрость и совершенную к нам преданность»³⁵.

Кадий прибыл ко двору и присутствовал на церемонии бракосочетания великой княжны Ольги Николаевны, ставшей после замужества королевой Вюртембергской. Воспитанный в обычаях горского этикета и обладающий незаурядными личными качествами, Дукай обратил на себя внимание самого императора Николая I, который «удостаивал его постоянного благоволения», а также членов монаршой семьи. Великолепие церемоний, величие русского императорского двора, смотр гвардейской кавалерии – все это «приметным образом его изумляло и конечно оставило в нем навсегда сильное впечатление»³⁶. Там же он повстречался и с адреса-

34 «Кавказ – это огромная крепость...» / публ. И. В. Карпеева // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 64.

35 Удовик В.А. Воронцов. М., 2004. С. 316.

36 Архив князя Воронцова. Кн. XXXVI: Бумаги фельдмаршала князя Ми-

том М. С. Воронцова. А. П. Ермолов высоко оценил ауховца, который пришелся ему по душе: «Всякой день видал и его и любовался поведением его чрезвычайно пристойным и отлично скромным»³⁷.

После столицы Дукай-кади отправился вместе с А. П. Ермоловым в деревню последнего и гостил у бывшего «проконсула» Кавказа. Ауховский горец своей непосредственностью, достоинством и искренностью снискал расположение старого генерала, который в ответном письме Воронцову просил: «Приласкай его: он точно того достоин! Скажу в простых выражениях: ты прислал человека, который не ударили лицом в грязь; и лишь слово о тебе, он неистощим в повествованиях, и обнаруживается душа, которую ты воспламеняешь»³⁸.

У нас нет точных сведений о последних годах жизни и кончине Дукая. Наиболее поздние по хронологии данные относятся к лету 1848 г., когда он прибыл на встречу с командиром Кабардинского егерского полка князем А. И. Барятинским³⁹. Проживал в это время Дукай-кади в ЭндиРЕЕ, в безопасности от мюридов, заклятым врагом которых он был. Занятно, что в это время (с 1847 по начало 1850 гг.) наибом его родного Ауха был уроженец ЭндиРЕя кумыкский мулла Идрис⁴⁰, мюрид Ташу-Хаджи.

Личность Дукая из Ауха примечательна тем, что выбивается из некоего линейного образа, рисуемого в постсоветской регио-

хаила Семеновича Воронцова. Письма князя Цицианова, переписка с Д. В. Арсеньевым и С. Н. Маринным. Письма А. П. Ермолова и бумаги разного содержания. М., 1890. С. 308.

37 Там же.

38 Там же. С. 309.

39 Выписки из дневника генерал-адъютанта барона Леонтия Павловича Николаи // Кавказская старина. (Материалы для истории Кавказской войны). [Вып. 1]. Тифлис, 1872. С. 24.

40 Абдурахман из Газикумуха. Указ. соч. С. 74; *Назир ад-Дургели*. Услада умов в биографиях дагестанских ученых / перевод с араб., comment., факсимильное издание, указ., библиография А. Р. Шихсаидова, М. Кемпера, А. К. Бустанова. М., 2012. С. 119–120.

нальной историографии и берущего истоки в художественном персонаже упомянутого выше советского писателя. Дукай не был замечен в рядах мюридов и был последовательным проводником имперских интересов в Чечне. Возможно, на это повлияли перипетии личного характера, которые не нашли отражения в русских источниках. Особенности чеченского общества, выражавшиеся, в частности, в том, что конкретная личность представляла интересы и выражала мнения и чаяния коллективных социальных индивидов (фамилии и сельские общины), приводили к тому, что социальная мобилизация за/против какого-либо явления принимала широкий размах и вовлекала большое количество представителей горского социума.

Литература

1. *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайнини оделах жителей Дагестана и Чечни [1869] / перевод с араб. М.-С. Д. Сайдова; ред., коммент., указ. А. Р. Шихсаидова, Х. А. Омарова. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1997. 868 с.
2. *Адилсултанов А. А.* Акки и аккинцы в XVI–XVIII веках. Грозный: [б. и.], 1992. 128 с.
3. *Айдамиров А. А.* Долгие ночи // *Айдамиров А. А.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Грозный: [б. и.], 2004. 592 с.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX / под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1884. 1013 с.
5. *Арсаханов И.* Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1959. 179 с.
6. Архив князя Воронцова. Кн. XXXVI: Бумаги фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. Письма князя Цицианова, переписка с Д. В. Арсеньевым и С. Н. Мариным.

Письма А. П. Ермолова и бумаги разного содержания. М.: Университетская тип., 1890. 524 с.

7. *Ахмадов Я. З.* О роли мусульманского духовенства в общественной жизни Чечни. (По материалам XVIII – первой половины XIX в.) // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.) / отв. ред. А. И. Хасбулатов. Грозный: [б. и.], 1982. С. 56–61.

8. *Берже А. П.* Чечня и чеченцы. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1859. 140 с.

9. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа / перевод с франц., предисл., comment. И. М. Назаровой. М.: Надыршин, 2010. 400 с.

10. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / отв. сост. И. А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2010. 1094 с.

11. *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. 280 с.

12. *Волконский Н. А.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. X / под ред. [А. И.] Чернянского. Тифлис: Тип. Окружного штаба, 1886. С. 1–224.

13. Выписки из дневника генерал-адъютанта барона Леонтия Павловича Николаи // Кавказская старина. (Материалы для истории Кавказской войны). [Вып. 1]. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1872. 60 с.

14. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в.: Сборник документов / сост. В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1959. 785 с.

15. *Дешериев Ю. Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1963. 556 с.

16. *Дроздов И.* Начало деятельности Шамиля (1834–1836 гг.) // Кавказский сборник. Т. XX / под ред. [В. А.] Потто. Тифлис:

Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. С. 250–296.

17. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М. О. Косвена, Х.-М. О. Хашаева. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 371 с.

18. «Кавказ – это огромная крепость...» / публ. И. В. Карпееva // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 58–65.

19. *Кемпер М.* Шариатский дискурс имамата первой половины XIX в. // Дагестан и мусульманский Восток: Сборник статей / отв. ред. и сост. А. К. Аликберов, В. О. Бобровников. М.: Марджани, 2010. С. 107–124.

20. *Лапин В. В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008. 400 с.

21. *Лаудаев У.* Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1872. С. 1–62.

22. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. I: 1801–1839 / подготовка к печати Г. Е. Грюмберга, С. К. Бушуева. Махачкала: Даггиз, 1940. 471 с.

23. *Мусаев М. А.* Биографии дагестанских ученых-богословов, противников имама Шамиля, в изложении Али ал-Гумуки (Каяева) // Фундаментальные исследования. 2014. № 6. С. 632–639.

24. *Назир ад-Дургели.* Услада умов в биографиях дагестанских ученых / перевод с араб., comment., факсимильное издание, указ., библиография А. Р. Шихсаидова, М. Кемпера, А. К. Бустанова. М.: Марджани, 2012. 204 с.

25. *Овсянников Д. В.* К вопросу о месте и роли мусульманского духовенства Чечни и Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2009. № 4. С. 80–91.

26. *Удовик В. А.* Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004. 416 с.

27. *Фадеев Р. А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-походная тип. главного штаба Кавказской армии, 1860. 147 с.

28. Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. (Продолжение) // Кавказский сборник. Т. XI / под ред. [А. И.] Черняевского. Тифлис: Тип. Окружного штаба, 1887. С. 187–301.

29. Kemper M. The Daghestani legal discourse on the Imamate // Central Asian Survey. 2002. № 21 (3). P. 265–278.

References

1. Abdurakhman iz Gazikumukha. Kniga vospominanii saiiida Abdurakhmana, syna ustada sheikha tarikata Dzhamaluddina al-Khusaini o delakh zhitelei Dagestana i Chechni [1869] [Abdurakhman from Gazikumukh. Memoirs of Sayyid Abdurakhman, son of Sheikh Jamaluddin al-Husayni, on the affairs of the inhabitants of Dagestan and Chechnya [1869]] / perevod s arab. M.-S. D. Saidova; red., komment., ukaz. A. R. Shikhsaidova, Kh.A. Omarova. (1997) Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izd-vo.
2. Adilsultanov, A. A. (1992) Akki i akkintsy v XVI–XVIII vekakh [Akki and Akkinets in the 16th–18th Centuries]. Groznyi.
3. Aidamirov, A. A. (2004) “Dolgie nochi” [“Long Nights”], in Aidamirov A. A. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1 [Collected Works: in 6 vols. Vol. 1]. Groznyi.
4. Akhmadov, Ya. Z. (1982) “O roli musul’manskogo dukhovenstva v obshchestvennoi zhizni Chechni. (Po materialam XVIII – pervoi poloviny XIX v.)” [“On the Role of the Muslim Clergy in the Public Life of Chechnya. (Based on Materials from the 18th to the First Half of the 19th Century)”, in Obshchestvennye otnosheniya u chechentsev i ingushei v dorevolyutsionnom proshlom (XIII – nachalo XX v.) [Social Relations among Chechens and Ingush in the Pre-Revolutionary Past (13th to Early 20th Centuries)] / otv. red. A. I. Khasbulatov. Groznyi, pp. 56–61.
5. Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei. T. IX [Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. IX] / pod red. A. P. Berzhe. (1884) Tiflis: Tip. Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo.

6. *Arkhiv knyazya Vorontsova. Kn. XXXVI: Bumagi fel'dmarshala knyazya Mikhaila Semenovicha Vorontsova. Pis'ma knyazya Tsitsianova, perepiska s D. V. Arsen'evym i S. N. Marinym. Pis'ma A. P. Ermolova i bumagi raznogo soderzhaniya [Archive of Prince Vorontsov. Book XXXVI: Papers of Field Marshal Prince Mikhail Semenovich Vorontsov. Letters of Prince Tsitsianov, Correspondence with D. V. Arseniev and S. N. Marin. Letters of A. P. Ermolov and Papers of Various Content].* (1890) Moscow: Universitetskaya tip.
7. Arsakhanov, I. (1959) *Akkinskii dialekt v sisteme checheno-ingushskogo yazyka [The Akkin Dialect in the Chechen-Ingush Language System]*. Groznyi: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo.
8. Berzhe, A. P. (1859) *Chechnya i chechentsy [Chechnya and the Chechens]*. Tiflis: Tip. Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo.
9. Blaramberg, I. (2010) *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe i etnograficheskoe opisanie Kavkaza [Historical, Topographical, Statistical, and Ethnographic Description of the Caucasus]* / perevod s frants., predisl., komment. I. M. Nazarovoi. Moscow: Nadyrshin.
10. Desheriev, Yu. D. (1963) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika nakhskikh yazykov [Comparative Historical Grammar of the Nakh Languages]*. Groznyi: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo.
11. Drozdov, I. (1899) “Nachalo deyatelnosti Shamilya (1834–1836 gg.)” [“The Beginning of Shamil’s Activities (1834–1836)”), in *Kavkazskii sbornik. T. XX [Caucasian Collection. Vol. XX]* / pod red. V. A. Potto. Tiflis: Tip. Kantselyarii glavnonachal'stvyushchego grazhdanskoi chasti na Kavkaze, pp. 250–296.
12. *Dvizhenie gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20–50 gg. XIX v.: Sbornik dokumentov [The Movement of the Highlanders of the North-Eastern Caucasus in the 20–50s of the 19th Century: Collection of Documents]* / sost. V. G. Gadzhiev, Kh. Kh. Ramazanov. (1959) Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izd-vo.
13. Fadeev, R. A. (1860) *Shest'desyat let Kavkazskoi voiny [Sixty Years of the Caucasian War]*. Tiflis: Voenno-pokhodnaya tip. glavnogo shtaba Kavkazskoi armii.

14. *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv. Arkhivnye materialy [History, Geography, and Ethnography of Dagestan in the 18th–19th Centuries. Archival Materials]* / pod red. M. O. Kosvena, Kh.-M. O. Khashaeva. (1958) Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury.
15. “Kavkaz – eto ogromnaya krepost’...” / publ. I. V. Karpeeva” [“The Caucasus is a Huge Fortress...” / Published by I. V. Karpeev”], (1997) *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 2, pp. 58–65.
16. Kemper, M. (2002) “The Daghestani Legal Discourse on the Imamate”, *Central Asian Survey*, 21 (3), pp. 265–278.
17. Kemper, M. (2010) “Shariatskii diskurs imamata pervoi poloviny XIX v.” [“Sharia Discourse of the Imamate in the First Half of the 19th Century”], in *Dagestan i musul’manskii Vostok: Sbornik statei [Dagestan and the Muslim East: Collection of Articles]* / otv. red. i sost. A. K. Alikberov, V. O. Bobrovnikov. Moscow: Mardzhani, pp. 107–124.
18. Lapin, V. V. (2008) *Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII–XIX vv. [The Russian Army in the Caucasian War of the 18th–19th Centuries]*. St. Petersburg: Evropeiskii dom.
19. Laudaev, U. (1872) “Chechenskoe plemya” [“The Chechen Tribe”], in *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Vyp. VI [Collection of Information about the Caucasian Highlanders. Is. VI]*. Tiflis: Tip. Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, pp. 1–62.
20. *Materialy po istorii Dagestana i Chechni. T. III. Ch. I: 1801–1839 [Materials on the History of Dagestan and Chechnya. Vol. III. P. I: 1801–1839]* / podgotovka k pechati G. E. Gryumberg, S. K. Bushueva. (1940) Makhachkala: Daggiz.
21. Musaev, M. A. (2014) “Biografi dagestanskikh uchenykh-bogoslovov, protivnikov imama Shamilya, v izlozenii Ali al-Gumuki (Kayaeva)” [“Biographies of Dagestan Scholars and Theologians, Opponents of Imam Shamil, as Presented by Ali al-Gumuki (Kayaev)”), *Fundamental’nye issledovaniya*, 6, pp. 632–639.
22. *Nazir ad-Durgeli. Uslada umov v biografiyakh dagestanskikh uchenykh [Nazir ad-Durgeli. Delight of the Mind in the Biographies of Dagestan Scholars]* / perevod s arab., komment., faksimil’noe izdanie,

ukaz., bibliografiya A. R. Shikhsaidova, M. Kempera, A. K. Bustanova. (2012) Moscow: Mardzhani.

23. Ovsyannikov, D. V. (2009) “K voprosu o meste i roli musul’manskogo dukhovenstva Chechni i Dagestana v kontse XVIII – nachale XIX vv.” [“On the Question of the Place and Role of the Muslim Clergy of Chechnya and Dagestan in the Late 18th – Early 19th Centuries”], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istorija*, 4, pp. 80–91.

24. Udovik, V. A. (2004) *Vorontsov [Vorontsov]*. Moscow: Molodaya gvardiya.

25. *Vainakhi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennei politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.)* [The Vainakhs and Imperial Power: The Problem of Chechnya and Ingushetia in the Domestic Politics of Russia and the USSR (Early 19th – Mid-20th Centuries)] / otv. sost. I. A. Zyuzina. (2010) Moscow: ROSSPEN.

26. Volkonskii, N. A. (1886) “Voina na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 g. v svyazi s myuridizmom” [“The War in the Eastern Caucasus from 1824 to 1834 in Connection with Muridism”], in *Kavkazskii sbornik. T. X* [Caucasian Collection. Vol. X] / pod red. A. I. Chernyavskogo. Tiflis: Tip. Okrughnogo shtaba, pp. 1–224.

27. Volkova, N. G. (1974) *Etnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnic Composition of the Population of the North Caucasus in the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow: Nauka.

28. “Vypiski iz dnevnika general-ad'yutanta barona Leontiya Pavlovicha Nikolai” [“Extracts from the Diary of Adjutant General Baron Leonty Pavlovich Nikolaev”], in *Kavkazskaya starina. (Materialy dlya istorii Kavkazskoi voiny). Vyp. I* [Caucasian Antiquity. (Materials for the History of the Caucasian War). Is. I]. (1872) Tiflis: Tip. Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo.

29. Yurov, A. (1887) “1840, 1841 i 1842 gody na Kavkaze. (Prodolzhenie)” [“1840, 1841, and 1842 in the Caucasus. (Continued)’’], in *Kavkazskii sbornik. T. XI* [Caucasian Collection. Vol. XI] / pod red. A. I. Chernyavskogo. Tiflis: Tip. Okrughnogo shtaba, pp. 187–301.